

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ СУСЛОВ

Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, Саратов, ул. Вольская, 1

ResearcherID: ADK-2328-2022

ORCID: 0000-0003-0991-6368

e-mail: suslov85@inbox.ru

ЗАРИНА ЗАКИЕВНА КНЫЖОВА

Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, Саратов, ул. Вольская, 1

ResearcherID: B-4402-2017

ORCID: 0000-0001-5941-5380

e-mail: knyzhova@mail.ru

Для цитирования

Суслов И.В. & Кныжова З.З. Политический мономиф американского кинематографа в эпоху доминирования визуальных способов повествования // Наука телевидения. 2025. 21 (1). С. 33–56. DOI: 10.30628/1994-9529-2025-21.1-33-56. EDN: HXIFYB

Политический мономиф американского кинематографа в эпоху доминирования визуальных способов повествования

Аннотация. Статья основывается на идеях А. Кирби, провозгласившего в 2000-е годы наступление цифромодернистской эпохи доминирования визуальных способов повествования, и концепции «вторичной устности» У. Онга. Утверждается, что развитие медиатехнологий и насыщение повседневности визуальным контентом способствует мифологизации политического процесса. Исследование акцентирует

внимание на американских сериалах и фильмах, использующих стиль псевдодокументального кино и вызывающих у зрителей иллюзию достоверности и деполитизированного восприятия вымышленных событий.

Анализ мифологизации политической реальности в американском кинематографе опирается на концепцию мономифа Дж. Кэмпбелла и структуралистскую парадигму, что позволяет выявлять устойчивые мифологемы репрезентации политического процесса в массовой культуре. Кинематограф рассматривается как инструмент создания мифов, поддерживающих и легитимизирующих американскую политическую идеологию.

Несмотря на жанровую и стилистическую пестроту, американские политические фильмы и сериалы образуют целостную структуру, поддерживая основные мифологемы, закрепляющие демократические ценности и идеалы. Ключевым элементом американского политического мономифа является святость институтов и федерализма, а также героизация журналистов, чиновников, простых граждан, раскрывающих государственные секреты во имя справедливости. Порочность и коррупционность отдельных политиков является фоном для репрезентации таких процессов, как выборы и межпартийные компромиссы, а также продвижения тезиса о важности СМИ в контроле государственных органов власти.

Делается вывод, что массовое распространение кинематографических образов политики в конце XX века расширило доступ к наблюдению за реализацией политического процесса, предоставляя зрителю мифологические конструкции упрощенного объяснения сложных политических взаимодействий.

Ключевые слова: мифологизация политики, политический кинематограф, диджимодернизм, цифромодернизм, вторичная устность, мономиф Джозефа Кэмпбелла, политический миф, политическая мифология, американская демократия, западный кинематограф

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследования в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Мифологизация политики в кинематографе: анализ идеологических шифров в западной массовой культуре») при поддержке Экспертного института социальных исследований. Работа выполнена на основании раздела 2 части II государственного задания от 05 августа 2024 года № 075-00093-24-04 на 2024 год.

UDC 304.9

DOI: 10.30628/1994-9529-2025-21.1-33-56

EDN: HXIFYB

Received 27.11.2024, revised 28.01.2025, accepted 28.03.2025

IVAN V. SUSLOV

Saratov State Academy of Law,
1, Volskaya, Saratov 410056, Russia

ResearcherID: ADK-2328-2022

ORCID: 0000-0003-0991-6368

e-mail: suslov85@inbox.ru

ZARINA Z. KNYZHOVA

Saratov State Academy of Law,
1, Volskaya, Saratov 410056, Russia

ResearcherID: B-4402-2017

ORCID: 0000-0001-5941-5380

e-mail: knyzhova@mail.ru

For citation

Suslov, I.V., & Knyzhova, Z.Z. (2025). The political monomyth of American cinema in the age of visual storytelling. *Nauka Televideniya—The Art and Science of Television*, 21 (1), 33–56. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2025-21.1-33-56>, <https://elibrary.ru/HXIFYB>

The political monomyth of American cinema in the age of visual storytelling

Abstract. This article draws on the ideas of Alan Kirby, who in the 2000s proclaimed the advent of the digimodernist era dominated by visual narratives, and Walter Ong's concept of secondary orality. It argues that advances in media technology and the saturation of everyday life with visual content contribute to the mythologization of political processes. The study focuses on American films and TV series employing pseudo-documentary techniques, which foster viewers' illusions of authenticity and depoliticized perception of fictional events.

The analysis of political reality mythologization in American cinema is grounded in Joseph Campbell's monomyth framework and structuralist theory, revealing persistent mythologemes that shape representations of politics in mass culture. Through Chiara Bottici's and Benoît Challand's theory of political myth, cinema is examined as a tool for crafting myths that reinforce and legitimize American political ideology.

Despite their genre and stylistic diversity, American political films and series form a cohesive structure, perpetuating core mythologemes that uphold democratic values and ideals. Key elements of this monomyth include: the sanctity of institutions and federalism, as well as the glorification of journalists, officials, and ordinary citizens who expose state secrets in the name of justice. The corruption of individual politicians serves as a backdrop, highlighting processes such as elections and bipartisan compromise while advancing the notion of media's vital role in holding power to account.

The article concludes that the proliferation of cinematic political imagery in the late 20th century is connected with the growth of media influence and the development of Internet culture, providing unprecedented access to political information to the public. Viewers, immersed in screen culture, began to perceive cinema as a way to "observe" politics, thus building a demand for mythological constructs that simplify complex political dynamics.

Keywords: mythologization of politics, political cinema, digimodernism, secondary orality, Joseph Campbell's monomyth, political myth, political mythology, American democracy, Western cinema

Acknowledgments: This research was supported by the Social Research Expert Institute and conducted under the state assignment of the Russian Ministry of Science and Higher Education (Mythologization of Politics in Cinema: Analyzing Ideological Codes in Western Mass Culture). The work complies with Section 2, Part II of State Assignment No. 075-00093-24-04 of August 5, 2024.

ВВЕДЕНИЕ

В монографии Алана Кирби «Диджимодернизм. Как новые технологии разрушают постмодерн и перекраивают нашу культуру» (Kirby, 2009), опубликованной в 2009 году, было провозглашено наступление эпохи доминирования визуальных способов повествования, что, в свою очередь, способствует регрессу общества к дописьменному, мифическому мышлению, сформировавшемуся в контексте бытования устной культуры.

Визуализация реальности на экране гаджетов и девайсов, невероятное насыщение повседневности онлайн-контентом актуализирует концепт «вторичной устности» Уолтера Онга (Ong, 1971; Ong, 1982), придуманный еще в 1970-е, когда распространение телевидения предоставило возможность репрезентации реальных событий не через текст или звук, а через визуальные образы. Визуализация устного слова и телесного жеста в современных медиа приводит к возрождению дописьменных социальных моделей. В частности, телезрители и Интернет-пользователи вновь получают возможность испытать опыт партиципаторной (участвующей) мистики, создающей эмпатическую идентификацию с героями «экрана» и иллюзии общественного соучастия в показываемых событиях.

Победа телевидения над радио и газетами в 1970-е, положившая начало доминированию в СМИ визуальных способов репрезентации реальности, происходит одновременно с взрывным интересом политологов к концепту «публичная политика», под которым понимаются действия государственного аппарата по реализации политического курса. Власть и наблюдение оказываются тесно увязаны друг с другом во влиятельных политико-философских текстах Ги Дебора «Общество спектакля» (Debord, 1967) и Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать» (Foucault, 1975).

Политический процесс, построенный в соответствии с демократическими идеалами, предполагает открытость для общественного контроля и прозрачность процедур принятия решений. Однако, к сожалению, до настоящего времени множество придуманных теорий рационализации алгоритмов современной политики остаются в пространстве предположений, догадок, мифов, гипотетичности, мало отличаясь от теорий конспирологического свойства. Современное государство продолжает окружать себя мощной мифологией, сохраняющей тайну его происхождения, деятельности и легитимности, представляя себя вершиной «рациональности», уничтожающей миф посредством разума (Ince, Torre, 2024).

Процессы мифологизации и мифотворчества в политической сфере, оставаясь привлекательными как для элит, так и для простых граждан, ведут к неоднозначным последствиям. Часть исследователей

подчеркивают положительную роль политической мифологизации в сохранении исторической преемственности и укреплении политической идентичности, тогда как другие склонны критиковать манипулятивные аспекты, при которых мифологизация становится инструментом доминирования элит и порождает проблемы в массовом политическом сознании (Завершинский, 2015).

Развитие телевизионных и Интернет-коммуникаций на рубеже XX и XXI вв. позволило визуализировать публичную политику, создав иллюзию прозрачности политического процесса для общественного взгляда. Визуальные образы политического процесса формируются средствами кинематографии, создающей симулякры (по Жану Бодрийяру) с гигантским мифотворческим эффектом воздействия на общественное сознание. Джон Лайден даже утверждает, что популярные фильмы начинают выполнять религиозную функцию, предоставляя зрителям ценности и способы смотреть на мир (Lyden, 2019).

Наступление эпохи диджимодернизма изменяет эстетику политических фильмов и сериалов. Политический процесс представлен так, будто его скрытые от общественности механизмы документально раскрываются напрямую, что позволяет зрителям переживать вымышленные политические события в явно реальной, явно деполитизированной манере: как если бы они были увидены ими воочию. Такие шоу олицетворяют режим телевизионного маскарада, визуализирующий семиотические коннотации легитимности и престижа, которыми традиционно пользовалась документальная форма.

Кинематограф начинает копировать формат реалити-шоу, что еще раз свидетельствует об интересе общества к диджимодернистскому (по версии Алана Кирби) режиму культурного производства, который закрепляет «кажущееся реальным». Джо Конвэй указывает на такие сериалы как «Парки и зоны отдыха» (*Parks and Recreation*, NBC, 2009–2015), «Альфа-дом» (*Alpha House*, Amazon Prime Video, 2013–2014), «Картонный домик» (*House of Cards*, Netflix, 2013–2018), «Вице-президент» (*Veep*, HBO, 2012–2019), в которых используется эстетика одной камеры за кулисами, вдохновленная документальным кино, что имитирует ощущение у зрителей секретного инсайдерского доступа (Conway, 2016).

Объектом исследования настоящей статьи является современный американский политический кинематограф, а **предметом** — мифологизация политики. Основная **цель** заключается в анализе структурных компонентов (мифологем) американского политического мономифа, представленного в кинотеках.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**: сформулировать основные черты и отличия архаичных и современных процессов мифологизации реальности; предложить использование концепции мономифа для анализа феномена мифологизации американского политического процесса; описать ключевые мифологемы, формирующие американский политический мономиф.

В качестве базового концептуального подхода использована теория диджимодернизма Алана Кирби (подчеркивающая возвращение дописменных мифологических моделей восприятия реальности в эпоху доминирования визуальных средств повествования), а также структуралистская методология реконструкции составных элементов «мономифа» (термин предложен Джозефом Кэмпбеллом — Campbell, 2008). Исследование базируется на анализе свыше 100 кинофильмов и сериалов производства США (1990–2024). Акцент сделан на кинопродукции начала XXI века, поскольку в центре изучения находится современный американский политический мономиф.

Прикладная значимость представленной публикации состоит в осмыслении роли современного кинематографа как инструмента легитимации политических процессов. Концепция американского политического мономифа дополняет критический аспект анализа кинематографического контента, формирующего у зрителя восприятие политических процессов и идеологии.

Новизна работы определяется анализом современных процессов мифологизации политики в кинематографе через призму концепции мономифа. Основное внимание уделяется реконструкции системы представлений, т. е. мифологем политического процесса в США, который формируется и передается через образы и нарративы современного американского политического кинематографа.

Мифотворчество в диджимодернистскую эру

С точки зрения Кирби, медиатехнологии экранной культуры создают контекст восприятия реальности схожий с тем, что существовал в архаичную эпоху, известную формой мировоззрения, которую принято называть мифологической. Под традиционным мифом архаичного периода подразумеваются коллективные повествования, которые упорядочивают хаос

через установление устойчивых схем мироздания, носят объяснительный и нормативный характер, задавая мировоззренческие рамки, в которых функционировали древние общества. Значительная часть мифологического знания транслировалась через мистериальные практики, предполагающие передачу сакрального, скрытого знания в рамках инициативных ритуалов (например, дельфийские мистерии или элевсинские обряды). Исследования архаических мифов социальными антропологами Люсьеном Леви-Брюлем (Леви-Брюль, 2010), Клодом Леви-Строссом (Lévi-Strauss, 1958) и др. позволили утверждать, что древние люди не подвергали известные мифологические сюжеты сомнению и буквально жили в созданной ими мифо-реальности.

Историки и фольклористы не соглашались приравнивать современные медийные сюжеты к древним мифам, поскольку они создавались и воспринимались в совершенно других контекстах (Седых, 2019, с. 85). Современные медиамифы адаптируются к особенностям цифровой эпохи. Одним из ключевых отличий является демократизация мифологического знания. Если архаичные мифы существовали в рамках сакрального пространства, доступ к которому был ограничен, то современные мифы транслируются через медийные технологии и становятся доступными массовой аудитории. При этом сакральный компонент мифа заменяется эффектом «достоверности», создаваемым такими визуальными нарративами, как псевдодокументальные политические фильмы и сериалы. Современные визуальные формы мифологизации предлагают зрителю не участие в коллективных ритуалах, а иллюзию наблюдения за «реальностью», создавая ощущение вовлеченности через эффект присутствия.

Получение информации через визуальные образы позволяет формировать мифологическое доверие к происходящему на экране на бессознательном уровне. Кинематограф в настоящее время начинает производить незапланированные режиссерами или продюсерами идеологические эффекты, политические акции или общественные дискуссии. Например, участники протестов после выхода фильма «V — значит вендетта» (*V for Vendetta*, 2006) стали чаще использовать театрализованные формы выражения своих убеждений, а маска стала неотъемлемым элементом эстетики, частью реального политико-новостного нарратива, универсальным символом освобождения через анонимность (Гасилин, 2021).

Существуют исследования, показывающие, что кинематограф способен формировать положительный имидж власти. Ученые Дейтонского университета провели опросы зрителей до и после просмотра фильмов «Цель номер один» (*Zero Dark Thirty*, 2012), рассказывающего об охоте за Усамой бен

Ладеном, и «Операция «Арго»» (*Argo*, 2012), посвященного эвакуации американского посольства из Тегерана во время Иранской революции 1979 года. После просмотра примерно 30 % респондентов изменили свое мнение о ЦРУ, Белом доме и американском правительстве в более позитивную сторону (Pautz, 2015).

Указание на нарративную природу мифа и возможность фильма создавать красочные и увлекательные истории позволяет описать современные тенденции мифологизации политики в кинематографе через концепцию мономифа. Другими словами, предполагается реконструкция системы представлений об американском политическом процессе, элементы которой разлиты в кинематографе США.

Кэмпбелл в «Тысячеликом герое» (1949) (Campbell, 2008) реконструирует единый метанарратив мифических историй, описывая структуру сюжета любого мифологического повествования, и предлагает термин «мономиф», впоследствии подчеркивая, что современному миру крайне необходима новая, глобальная мифология, способная говорить с человечеством на понятном и актуальном для него языке. В 1977 году философ Джон Лоуренс и теолог Роберт Джьюетт выпустили книгу «Американский мономиф», где анализу подверглись массовый кинематограф и комиксы (Jewett, Lawrence, 1977).

Структуралистская перспектива анализа мифов массовой культуры (в нашем случае кинематографа) утверждает, что логика взаимодействия компонентов мифа является простой, сводящейся к множеству бинарных оппозиций: добро — зло, небо — земля, жизнь — смерть и так далее. Это то, что Леви-Стросс назвал «составляющими элементами» мифа, или «мифологемами» (Lévi-Strauss, 1958, p. 227–255). Таким образом, если Кэмпбелл в первую очередь описывал этапы развития героев мифических повествований, то в данной статье мономиф предлагается реконструировать через вычленение устойчиво повторяющихся идей, сюжетных композиций, лежащих в основе повествования (мифологем).

Истории в мифах (как и в кинематографе) повторяются, каждый раз появляясь в немного измененной форме, и аудитория находит удовольствие в самой серийности этих повествований. Типичность ситуаций оказывает на массы «целебное» воздействие, утешая и создавая иллюзию того, что в окружающем мире существуют определенные постоянства и закономерности. Эти выводы подтверждаются в статье И.И. Земцовского «*Do it with Propp*», где анализируются сценарии самых кассовых голливудских фильмов. Исследователь замечает, что, несмотря на изменения в деталях путешествия героя, сама структура остается неизменной и пользуется популярностью.

Сценаристы Голливуда обращаются к работам В. Проппа как к справочнику для построения сюжетов (Земцовский, 2015).

Следует отметить, что продвижение идеологических шифров (пропаганда) через кинематограф может быть даже более успешной, нежели через политизированные СМИ. Аудитория, изначально рассматривая фильм как развлечение, некритично воспринимает увиденное, что, конечно, было давно замечено исследователями кино, но зрителями в своей массе рефлексится далеко не всегда и обычно только в самых очевидных случаях. Напомним, что Кирби, обращая внимание на форму современной подачи информации через визуальные образы — фото, мемы, прямые трансляции (а не печатное слово), а также и кинематограф, утверждает о возвращении цивилизации в архаико-мифологическую эпоху торжества устного слова.

Что такое мифологизация политики?

Эрнст Кассирер был первым, кто дал анализ мифологической основы режима, просуществовавшего в Германии с января 1933 до мая 1945 годов («Миф о государстве», 1946). Для фашизма миф был не просто инструментом пропаганды, а основой восприятия мира, заменяя и упрощая реальность. Рассматриваемая идеология опиралась на мифическое прошлое — время величия и чистоты, противопоставленное упадку настоящего (Finchelstein, 2022). Демонстрация была заменена выдумкой, а экстраординарное объяснение устранило здравый смысл. Критический анализ произведений массовой культуры в неомарксистской (или близкой к ней) парадигме показал присутствие тотальных идеологий и мифов в массовом сознании также и западных (условно демократических) обществ.

В 1960–1970-е было предложено понимать под мифами когнитивные карты, позволяющие расшифровывать смысл происходящих событий (Edelman, 1967; Bennett, 1980). Нарративная природа мифа оказывается в оптике внимания ученых в 1970–1980-е в работах Генри Тюдора (Tudor, 1972), Брюса Линкольна (Lincoln, 1989), Ханса Блюменберга (придумавшего термин «работа над мифом») (Blumenberg, 1985), а в 2000-е — Кристофера Флада (Flood, 2002), Герфрида Мюнклера (Münkler, 2009).

Мифологическое воздействие массовой культуры на общественное сознание может быть обнаружено как в традиционных обществах с сильным

архаичным компонентом, так и в странах, находящихся на постиндустриальном этапе социально-экономического развития. Нидеш Лоту, диагностируя поведение современной толпы, указывает на растущую «тень», отбрасываемую авторитарными лидерами цифровой эпохи, активно овладевающими новыми медиа. Дональд Трамп рассматривается как пример для иллюстрации утверждения Фридриха Ницше о том, что однажды «актеры... станут настоящими хозяевами» (Lawtoo, 2019).

С точки зрения Чиары Боттичи и Бено Шаллана, мифологизация — это «работа над общим повествованием, которое обуславливает значение в политических условиях и переживаниях социальной группой» (Bottici, Challand, 2006, p. 316). Повествование мифа воздействует на сознание слушателя благодаря своей образности, красочности, а значит, кинематографический материал подходит для этого как никакой другой. Более того, архив западных политических фильмов может быть определен с помощью предложенного в 2003 году Данканом Беллом термина «мифопанорама» — «временно и пространственно протяженная дискурсивная область, в которой мифы нации постоянно выдумываются, передаются, обсуждаются и восстанавливаются» (Bell, 2003, p. 63).

Мифологизация политического процесса в кинематографе усиливается с ростом доминирования визуальных средств репрезентации реальности. До 1990-х политических фильмов, транслирующих в массы знание о том, как работают политики, было немного. Чарли Чаплин делал пародии на диктаторов; после войны выходили фильмы о трагических событиях в Алжире («Битва за Алжир», *La Battaglia di Algeri*, 1966) или вымышленных странах («Дзета», *Z*, 1969), об одержимых властью, коррумпированных политиках («Вся королевская рать», *All the King's Men*, 1949).

До 1960-х все ведущие государства, вне зависимости от политических режимов, апробировали пропагандистские возможности киноискусства (Zimmermann, 2021; Cowan, 2023; Hagener, Zimmermann, 2024; Berkowitz, 2025). Кинематограф 1930–1950-х повсеместно внедрял идеологические штампы в рамках замыслов режиссеров, продюсеров или государственных заказчиков.

В первой половине XX века зритель смотрел кино в кинотеатрах. Распространение домашнего телевидения и увеличение количества каналов в 1960-е сопровождается процессами деидеологизации и снижением интереса зрителей и режиссеров к откровенно идеологизированным лентам (Fairfax, 2021). Появление системы домашнего видеопроката в 1980-е позволило персонализировать процесс кинопросмотра, а в 1990-е начинается постепенное вытеснение фильмов сериалами, что означало наступление

новой эры в потреблении кинопродукции. Классическое телевидение в XXI веке уходит на второй план, уступая место стриминговым сервисам. Таким образом, в период после окончания холодной войны политическое кино увеличило охват зрителей посредством технических и маркетинговых инноваций.

До конца XX столетия мир жил в логике модерна, где политическая социализация осуществлялась в первую очередь радио и печатью, а во вторую — литературой и театром. Визуальные способы передачи информации (телевидение и кино) приобретают неоспоримое преимущество только к 1990-м. Политический кинематограф переживает бум популярности, появляются фильмы и сериалы о непосредственной рутинной работе политиков и огромное число художественных релизов о манипуляции общественным мнением и сознанием. Общество получило возможность наблюдать за миром политики в прямом эфире. Возникает культура реалити-шоу, что способствует в том числе и расширению запроса на сериалы, увлекательно показывающих скучную работу политиков в режиме «онлайн».

Развитие системы массовых коммуникаций и виртуализация общественной жизни привели к росту подозрений в реальности происходящего (бытия) вообще и в реальности политики в частности. О симулятивной природе политического процесса интеллектуалы стали говорить со времен Жана Бодрийера и Славоя Жижека. Востребованность фильмов и сериалов про политику обуславливалась общественным запросом на создание мифа о реальности самого политического процесса и о ценности области политики как таковой.

Таким образом, мифологизация политики — это процесс создания, распространения и использования мифов (в виде символических нарративов, образов, сюжетов) для объяснения, легитимации и упрощения политических явлений. Этот процесс характеризуется созданием коллективных представлений и смысловых структур (мифологем), что являются составными частями единого политического мономифа.

Под политическим мономифом понимается универсальный нарратив, отражающий типичные сценарии политического процесса, основанные на архетипических сюжетах и символах, которые воспроизводятся в массовой культуре, медиа и общественном сознании, создавая легко воспринимаемый образ политики. Базовым структурным элементом политического мономифа является мифологема — устойчиво повторяющийся, универсальный мотив или образ.

МОНОМИФ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Американский политический мономиф раскладывается на структурные части/элементы, которые определяют дизайн сюжетов, персонажей, образов, используемых в политическом кинематографе. Таким образом, следует воспринимать всю совокупность политических фильмов как один меганарратив или визуальный гипертекст, который необходимо воспринимать и анализировать в системной парадигме. На первый взгляд это кажется сомнительным, ведь кинематографическое произведение про политику может быть выпущено в жанре как драмы, так и комедии, посвящено как политикам-негодяям, так и достойным Отцам Отечества, снято в реалистической манере либо откровенно театральной. Однако все же, несмотря на пестроту жанров, сюжетов и стилей, во всех политических фильмах присутствуют незримые мифологемы, поддерживающие большой американский мономиф.

Начнем структурный анализ американского политического мономифа с удивления. Чем можно объяснить наличие внушительного пантеона тщеславных, корыстных, злонамеренных, эгоистичных антигероев, которые получают (или намереваются получить) власть в стране? Не бросают ли подобные сюжеты тень на демократический режим в США, расшатывая тем самым сакральные основы политического порядка?

Успешная карьера Фрэнка Андервуда (в исполнении Кевина Спейси) в «Карточном домике» (*House of Cards*, Netflix, 2013–2018), кажется, лишает демократию собственной сути, дискредитируя политический класс. Члены американской парламентской системы (конгрессмены и сенаторы) находятся под контролем лоббистов, а интересы избирателей приносятся в жертву на алтарь прибылей промышленников-бизнесменов. Не конфисковал ли Андервуд и вашингтонский истеблишмент, символом которого он является, демократию? (Pigoullié, 2014). Сериал «Вице-президент» (*Veep*, HBO, 2012–2019) также показывает мир несчастных, перенасыщенных информацией политиков и бюрократов, проявляющих неуважение ко всему, особенно к голосующей публике.

На первый взгляд кажется, что американский политический кинематограф репрезентирует демократический режим в США в крайне отрицательном свете. Однако суть первой и главной мифологемы американского мономифа заключается в святости собственно процедур (например, выборов) и институтов (в частности, парламентаризма и фактической двухпартийной системы), которые обеспечивают надлежащее течение политического процесса. Так, в 154 эпизодах сериала «Западное крыло» (*The West Wing*, NBC, 1999–2006) присутствует значительное количество примеров

двухпартийного компромисса как неизбежной необходимости отказа от программы/платформы в целом для достижения ее части.

Идеологический посыл «Карточного домика» (*House of Cards*, Netflix, 2013–2018), рисующего с вавилонским акцентом портрет Вашингтона, историка всех зол, подрывающих Америку, может быть прочитан и как неожиданная культурная легитимация федералистского устройства США. Так поддерживается мифологема о правильности (как уверены американцы) широкой автономии отдельных штатов от федерального центра в качестве основного залога справедливого политического порядка.

Власть изначально представлена как порочная и в юмористическом анимационном сериале «Симпсоны» (*The Simpsons*, 20th Television, 1989 — наст. вр.). Однако олигархический и коррумпированный режимы, не посягающие на свободу и независимость граждан, показываются в мультсериале как более приемлемые по сравнению с тираническим (Павлов, Сидоркин, 2007). Настоящая политика и подлинная демократия выражены в местном самоуправлении, а жители Спрингфилда испытывают недоверие к центральной власти, бюрократии и партиям.

Г.И. Мусихин отмечает, что миф о народовластии остается одним из самых устойчивых в современной политике. Он поддерживается ритуалом голосования, который создает у людей иллюзию участия в управлении и формирует массовое ощущение удовлетворенности текущей политической системой или, как минимум, надежду на то, что народ может повлиять на принятие решений. Однако этот эффект скорее компенсаторный: большинство избирателей понимают, что политика зачастую ассоциируется с негативом и грязными методами, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из СМИ и Интернета. Несмотря на это, люди продолжают голосовать, будто бы политика действительно представляет их интересы (Мусихин, 2015). Таким образом, миф о народовластии действует как своеобразный социальный механизм, позволяющий гражданам сохранять иллюзию причастности и возможности влияния на политику, даже когда они критически оценивают политическую реальность.

Многочисленные образы дисфункциональной машины современного американского правительства компенсируются в кинематографе появлением положительных персонажей, которые в фильмах и сериалах демонстрируют управленческую компетентность, несмотря на фундаментально несовершенную систему.

Положительным персонажем выступает обычно не глава государства или лидер партии, а менеджеры среднего звена, чья задача состоит в том, чтобы поддерживать демократический процесс, не влияя на его императивы.

В «Парках и зонах отдыха» (*Parks and Recreation*, NBC, 2009–2015) и «Альфа-доме» (*Alpha House*, Amazon Prime Video, 2013–2014) представлены примеры конструктивного политического диалога при соблюдении конституционных демократических принципов.

Вторая важнейшая мифологема американского демократического мифа заключается в апологетике работы журналистов, секретных агентов, государственных чиновников или рядовых граждан, которые героически раскрывают темные секреты государства. Тимоти Мелли задается вопросом, когда популярным трендом массовой культуры становятся сюжеты о распространении американских государственных секретов, казалось бы, подрывающих авторитет и доверие к американской политической системе (Melley, 2020)?

Роль СМИ в контроле власти была признана в США в 1970-е после шокирующих разоблачений программ ЦРУ, официальной лжи о войне во Вьетнаме и Уотергейтского дела. Мономиф американского политического процесса ярко проявляется в сюжетах фильмов 2010-х, где герои сталкиваются с угрозами государственной коррупции, подавления свободы слова и тайными операциями спецслужб. Общим местом в популярном кинематографе становится риторика, определяющая раскрытие официальных секретов не как измену, но бескорыстное служение стране.

О трудовых буднях сотрудников вымышленного новостного телеканала ACN (Atlantis Cable News) рассказывается в сериале «Служба новостей» (*The Newsroom*, HBO, 2012–2014). Фильмы «Пятая власть» Б. Кондона (*The Fifth Estate*, 2013) и «Мы крадем секреты: История WikiLeaks» А. Гибни (*We Steal Secrets: The Story of Wikileaks*, 2013) посвящены Джулиану Ассанжу и работе сайта WikiLeaks. Про тайную поддержку ЦРУ крупномасштабных продаж кокаина для финансирования никарагуанских контрабас повествует фильм «Убить гонца» М. Куэста (*Kill the Messenger*, 2014).

В 2014 году на экраны выходит фильм «Citizenfour: Правда Сноудена» Л. Пойтраса (*Citizenfour*, 2014), а в 2016 — «Сноуден» О. Стоуна (*Snowden*, 2016). В фильме П. Ландесмана «Уотергейт. Крушение Белого дома» (*Mark Felt: The Man Who Brought Down the White House*, 2017) рассказывается об агенте ФБР Марке Фелте, ставшего анонимным источником по прозвищу «Глубокая глотка» в расследовании, которое привело к отставке президента Ричарда Никсона. «Секретное досье» (*The Post*, 2017) С. Спилберга основано на реальной истории публикации журналистами Washington Post секретных документов Пентагона об участии правительства Соединенных Штатов во Вьетнамской войне.

«Опасное расследование» Роба Райнера (*Shock and Awe*, 2017) рассказывает о группе журналистов вашингтонского бюро Knight Ridder, которые

расследуют причины вторжения администрации Буша в Ирак в 2003 году. Фильм «Опасные секреты» Гэвина Худа (*Official Secrets*, 2019) посвящен разоблачению незаконной шпионской операции американских и британских спецслужб, собиравшихся шантажировать дипломатов Организации Объединенных Наций перед голосованием по резолюции, санкционирующей вторжении в Ирак в 2003 году.

В «Отчете о пытках» Скотта З. Бернса (*The Report*, 2019) рассказывается о десятилетней политической интриге, связанной с содержанием, созданием и публикацией 6700-страничного отчета Сенатского комитета по разведке о пытках, применявшихся в ходе расследования ЦРУ теракта 9 сентября 2001 года. Структура этих историй позволяет представить демократическую систему как самоисправляющийся механизм, где личная доблесть американских граждан и приверженность правде ведут к оздоровлению системы.

Американский политический кинематограф, несмотря на внешнюю разнородность жанров, сюжетов и стилей, представляет собой системный меганарратив, отражающий ключевые мифологемы демократического мономифа.

Первая мифологема заключается, как отчасти отмечалось выше, в святости демократических институтов и процедур, которые, несмотря на коррупцию, поддерживают базовые устои политического порядка. С одновременной репрезентацией в кинематографе порочных и некомпетентных лидеров подчеркивается важность системы сдержек и противовесов, а также автономии штатов как основы устойчивого политического устройства.

Вторая мифологема связана с апологетикой героизма отдельных граждан, журналистов, чиновников и агентов, чьи действия направлены на выявление и преодоление пороков государственной системы. Популярные фильмы 2010-х формируют представление о том, что свобода слова и институт разоблачения государственной коррупции являются неотъемлемой частью американской политической культуры. Так создается визуальный гипертекст, укрепляющий веру в саморегуляцию демократии как основы американской идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кинематограф, создавая нерасчлененные чувственно-рассудочные конструкторы воображения, предлагает общественному сознанию мифологиемы для описания политических взаимодействий и упорядочивания закрытой и непонятной деятельности политических институтов. Повторение кинематографических ситуаций в политической практике, от уже вполне обыденного участия в голосовании до более активной публичной защиты конституционных прав в пикетах и митингах, приводит к оживанию мифа. Таким образом, определение кинематографа как формы мифологизации политической сферы отсылает к функции мифа удовлетворять человеческую потребность в объяснении происходящего. Понимание мифологизации как метафорически-красочного и символического описания действительности также позволяет определить кинематограф как источник создания мифореальности. Успешное кинематографическое повествование строится по сюжетным схемам архаичных мифических историй.

Американский политический мономиф, репрезентированный в кинематографе, представляет собой сложную систему мифологем, которая поддерживает принципы устройства США. Первая и главная мифологема заключается в сакрализации таких институтов и процедур, как выборы, парламентаризм и двухпартийная система, хотя кинематограф США часто и изображает власть как коррумпированную и эгоистичную. Однако этот нарратив выполняет компенсаторную функцию: критика федеральной власти — составная часть мифологемы о справедливости механизмов федерализма, предоставляющих штатам широкую автономию. Положительные персонажи американского политического мономифа чаще всего представлены не в роли лидеров государства, а в виде менеджеров среднего звена, государственных чиновников или активистов, которые своим профессионализмом компенсируют несовершенство системы.

Второй ключевой элемент американского мономифа — мифологема героизма журналистов и разоблачителей, которые разоблачают коррупцию и темные стороны власти. Этот нарратив подчеркивает, что демократия включает механизмы самокоррекции и контроля. Мифологема о народовластии репрезентируется кинематографическими сюжетами о голосовании как важном символическом акте, что создает иллюзию влияния граждан на политический процесс.

Несмотря на жанровое и стилистическое разнообразие (драма, комедия, реализм) политический кинематограф формирует единый меганарратив или визуальный гипертекст. Кинопроизведения объединяет поддержка базовых мифологем демократии, критика центральной власти,

укрепляющая федерализм и гражданские свободы, а также предлагающая общественному сознанию терапевтические иллюзии компенсаторного характера, поддерживающие веру в функционирование американской мечты о народодовластии.

Голливуд ежегодно выпускает не один десяток фильмов и сериалов, где так или иначе затрагивается политическая тематика, но во всех ли воспроизводится предлагаемый к обсуждению политический мономиф? Особенности аналитического потенциала категории мифа, современного или архаичного, политического или религиозного, таковы, что, зная основной его нарратив и ключевых акторов, можно найти его проявления фактически во всей тематической кинопродукции. Даже если в фильме воспроизводится лишь одна из сюжетных линий мономифа, остальные в массовом сознании достраиваются инерционно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гасилин, А.В. (2021). Между комиксом и протестом. Генезис анонимной идентичности в современных медиа. *Международный журнал исследований культуры*, (3), 18–34. https://doi.org/10.52173/2079-1100_2021_3_18
2. Завершинский, К.Ф. (2015). Политический миф в структуре современной символической политики. *Вестник Санкт-Петербургского университета, Серия 6. Политология, международные отношения*, (2), 16–25. <https://elibrary.ru/uabgjn>
3. Земцовский, И. И. (2015). «Do it with Propp» (воспоминания из серии «В.Я. Пропп в Америке»). *Учёные записки Петрозаводского университета*, (5), 70–72. <https://elibrary.ru/uguovd>
4. Леви-Брюль, Л. (2010). *Первобытная мифология*. Москва: Либроком.
5. Мусихин, Г.И. (2015). Политический миф как разновидность политической символизации. *Общественные науки и современность*, (5), 102–117. <https://elibrary.ru/utewzj>
6. Павлов, А.В. & Сидоркин, С.А. (2007). «Симпсоны» как феномен идеологии и политики. *Полис. Политические исследования*, 5, 81–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.05.07>
7. Седых, О.М. (2019). Джозеф Кэмпбелл и зигзаги неомифологизма: от феномена «Звездных войн» к алгоритмам сторителлинга. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, (6), 77–93. <https://elibrary.ru/sxanju>

8. Bell, D.S.A. (2003). Mythscapes: Memory, mythology, and national identity. *The British Journal of Sociology*, 54 (1), 63–81. <https://doi.org/10.1080/0007131032000045905>
9. Bennett, L.W. (1980). Myth, ritual, and political control. *Journal of Communication*, 30 (4), 166–179. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1980.tb02028.x>
10. Berkowitz, M. (2025). *Hollywood's unofficial film corps: American Jewish movie-makers and the war effort*. University of Wisconsin Press. <https://doi.org/10.2307/jj.23440243>
11. Blumenberg, H. (1985). *Work on myth*. Cambridge, MA: MIT Press.
12. Bottici, C., & Challand, B. (2006). Rethinking political myth: The clash of civilizations as a self-fulfilling prophecy. *European Journal of Social Theory*, 9 (3), 315–336. <https://doi.org/10.1177/1368431006065715>
13. Campbell, J. (2008). *The hero with a thousand faces* (3rd ed.). New World Library; Joseph Campbell Foundation.
14. Conway, J. (2016). After politics/after television: Veep, digimodernism, and the running gag of government. *Studies in American Humor*, 2 (2), 182–207. <https://doi.org/10.5325/studamerhumor.2.2.0182>
15. Cowan, M. (2023). *Film societies in Germany and Austria 1910–1933: Tracing the social life of cinema*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/jj.362381>
16. Debord, G.-E. (1967). *La société du spectacle*. Paris.
17. Edelman, M. (1967). Myths, metaphors and political conformity. *Psychiatry*, 30 (3), 217–228. <https://doi.org/10.1080/00332747.1967.11023511>
18. Fairfax, D. (2021). *The red years of cahiers du cinéma (1968–1973)* (Vol. 1). Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv21s2x4t>
19. Finchelstein, F. (2022). Borges and fascism as mythology. In F. Finchelstein, *Fascist mythologies: The history and politics of unreason in Borges, Freud, and Schmitt* (pp. 60–77). Columbia University Press.
20. Flood, C.G. (2002). *Political myth: A theoretical introduction*. New York–London: Routledge.
21. Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris.
22. Hagener, M., & Zimmermann, Y. (Eds.). (2024). *How film histories were made: Materials, methods, discourses*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/jj.14170605>
23. Ince, A., & de la Torre, G. B. (2024). *Society despite the state: Reimagining geographies of order*. Pluto Press. <https://doi.org/10.2307/jj.13286161>
24. Jewett, R., & Lawrence, J.S. (1977). *The American monomyth*. New York: Doubleday.
25. Kirby, A. (2009) *Digimodernism: How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture*. New York, London: Continuum.

26. Lawtoo, N. (2019). *Fascism: Contagion, community, myth*. Michigan State University Press.
27. Lévi-Strauss, C. (1958). *La structure des mythes: Anthropologie structurale*. Paris: Plon. (In French)
28. Lincoln, B. (1989). *Discourse and the construction of society: Comparative studies of myth, ritual, and classification*. New York–Oxford: OUP.
29. Lyden, J. C. (2019). *Film as religion: Myths, morals, and rituals* (2nd ed.). NYU Press.
30. Melley, T. (2020). The public sphere hero: Representations of whistleblowing in U.S. culture. In K. Mistry & H. Gurman (Eds.), *Whistleblowing nation: The history of national security disclosures and the cult of state secrecy* (pp. 213–242). Columbia University Press.
31. Münkler, H. (2009). *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin: Rowohlt Berlin.
32. Ong, W.J. (1971). The literate orality of popular culture. In W.J. Ong, *Rhetoric, romance, and technology: Studies in the interaction of expression and culture* (pp. 284–303). Ithaca: Cornell University Press.
33. Ong, W.J. (1982). *Orality and literacy: The technologizing of the word*. London: Methuen.
34. Pautz, M.C. (2015) Argo and zero dark thirty: Film, government, and audiences. *PS: Political Science and Politics*, 48 (1), 120–128. <https://doi.org/10.1017/S1049096514001656>
35. Pigoullié, J.-F. (2014). House of cards: L'amérique sous la férule de Washington. *Esprit*, (8/9), 213–216.
36. Tudor, H. (1972). *Political myth*. New York; London: Praeger Publishers, Inc.
37. Zimmermann, Y. (2021). Advertising and avant-gardes: A history of concepts, 1930–1940. In B. Florin, P. Vonderau & Y. Zimmermann, *Advertising and the transformation of screen cultures* (pp. 77–112). Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1t1kgh7.6>

REFERENCES

1. Bell, D.S.A. (2003). Mythscapes: Memory, mythology, and national identity. *The British Journal of Sociology*, 54 (1), 63–81. <https://doi.org/10.1080/000713103200045905>
2. Bennett, L.W. (1980). Myth, ritual, and political control. *Journal of Communication*, 30 (4), 166–179. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1980.tb02028.x>

3. Berkowitz, M. (2025). *Hollywood's unofficial film corps: American Jewish movie-makers and the war effort*. University of Wisconsin Press. <https://doi.org/10.2307/jj.23440243>
4. Blumenberg, H. (1985). *Work on myth*. Cambridge, MA: MIT Press.
5. Bottici, C., & Challand, B. (2006). Rethinking political myth: The clash of civilizations as a self-fulfilling prophecy. *European Journal of Social Theory*, 9 (3), 315–336. <https://doi.org/10.1177/1368431006065715>
6. Campbell, J. (2008). *The hero with a thousand faces* (3rd ed.). New World Library; Joseph Campbell Foundation.
7. Conway, J. (2016). After politics/after television: Veep, digimodernism, and the running gag of government. *Studies in American Humor*, 2 (2), 182–207. <https://doi.org/10.5325/studamerhumor.2.2.0182>
8. Cowan, M. (2023). *Film societies in Germany and Austria 1910–1933: Tracing the social life of cinema*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/jj.362381>
9. Debord, G.-E. (1967). *La societe du spectacle*. Paris.
10. Edelman, M. (1967). Myths, metaphors and political conformity. *Psychiatry*, 30 (3), 217–228. <https://doi.org/10.1080/00332747.1967.11023511>
11. Fairfax, D. (2021). *The red years of cahiers du cinéma (1968-1973)* (Vol. 1). Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv21s2x4t>
12. Finchelstein, F. (2022). Borges and fascism as mythology. In F. Finchelstein, *Fascist mythologies: The history and politics of unreason in Borges, Freud, and Schmitt* (pp. 60–77). Columbia University Press.
13. Flood, C.G. (2002). *Political myth: A theoretical introduction*. New York–London: Routledge.
14. Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris.
15. Gasilin, A.V. (2021). Mezhdunarodnyy Zhurnal Issledovaniy Kul'tury, (3), 18–34. (In Russ.) https://doi.org/10.52173/2079-1100_2021_3_18
16. Hagener, M., & Zimmermann, Y. (Eds.). (2024). *How film histories were made: Materials, methods, discourses*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/jj.14170605>
17. Ince, A., & de la Torre, G. B. (2024). *Society despite the state: Reimagining geographies of order*. Pluto Press. <https://doi.org/10.2307/jj.13286161>
18. Jewett, R., & Lawrence, J.S. (1977). *The American monomyth*. New York: Doubleday.
19. Kirby, A. (2009) *Digimodernism: How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture*. New York, London: Continuum.
20. Lawtoo, N. (2019). *Fascism: Contagion, community, myth*. Michigan State University Press.

21. Lévi-Strauss, C. (1958). *La structure des mythes: Anthropologie structurale*. Paris: Plon. (In French)
22. Lévy-Bruhl, L. (2010). *Pervobytnaya mifologiya* [Primitive mythology] (B.I. Sharevskaya, Trans.). Moscow: Librokom. (In Russ.)
23. Lincoln, B. (1989). *Discourse and the construction of society: Comparative studies of myth, ritual, and classification*. New York–Oxford: OUP.
24. Lyden, J. C. (2019). *Film as religion: Myths, morals, and rituals* (2nd ed.). NYU Press.
25. Melley, T. (2020). The public sphere hero: Representations of whistleblowing in U.S. culture. In K. Mistry & H. Gurman (Eds.), *Whistleblowing nation: The history of national security disclosures and the cult of state secrecy* (pp. 213–242). Columbia University Press.
26. Münkler, H. (2009). *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin: Rowohlt Berlin.
27. Musikhin, G.I. (2015). Politicheskii mif kak raznovidnost' politicheskoy simbolizatsii [Political myth as a type of political symbolization]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, (5), 102–117. (In Russ.) <https://elibrary.ru/utewzj>
28. Ong, W.J. (1971). The literate orality of popular culture. In W.J. Ong, *Rhetoric, romance, and technology: Studies in the interaction of expression and culture* (pp. 284–303). Ithaca: Cornell University Press.
29. Ong, W.J. (1982). *Orality and literacy: The technologizing of the word*. London: Methuen.
30. Pautz, M.C. (2015) Argo and zero dark thirty: Film, government, and audiences. *PS: Political Science and Politics*, 48 (1), 120–128. <https://doi.org/10.1017/S1049096514001656>
31. Pavlov, A.V., & Sidorkin, S.A. (2007). “Simpsony” kak fenomen ideologii i politiki [“The Simpsons” as a phenomenon of ideology and politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 81–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.05.07>
32. Pigoullié, J.-F. (2014). House of cards: L'amérique sous la férule de Washington. *Esprit*, (8/9), 213–216.
33. Sedykh, O.M. (2019). Dzhozef Kempbell i zigzagi neomifologizma: Ot fenomena “zvezdnykh voyn” k algoritmam storitellinga [Joseph Campbell and the twists of neomithologism: From “Star Wars” phenomenon to storytelling algorithm]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, (6), 77–93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sxanju>
34. Tudor, H. (1972). *Political myth*. New York; London: Praeger Publishers, Inc.
35. Zavershinskiy, K.F. (2015). Politicheskii mif v strukture sovremennoy simboli-cheskoy politiki [Political myth in the structure of modern symbolic politics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. International Relations*, (2), 16–25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uabgjn>

36. Zemtsovsky, I.I. (2015). "Do it with Propp" (Vospominaniya iz serii "V.Ya. Propp v Amerike") ["Do it with Propp" (Memoirs from the series "V.Y. Propp in America")]. *Uchenye Zapiski Petrozavodskogo Universiteta*, (5), 70–72. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uguovd>
37. Zimmermann, Y. (2021). Advertising and avant-gardes: A history of concepts, 1930–1940. In B. Florin, P. Vonderau & Y. Zimmermann, *Advertising and the transformation of screen cultures* (pp. 77–112). Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1t1kgh7.6>

Авторский вклад

Суслов И.В. — теоретическая рамка, выбор методологии исследования, написание текста, обобщающие выводы.

Кныжова З.З. — составление литературного обзора, разработка проблемы исследования.

Суслов И.В., Кныжова З.З. — отбор и анализ кинематографических источников, подготовка финальной рукописи, редактирование по замечаниям рецензентов.

Все авторы приняли участие в обсуждении финального варианта рукописи.

Authors' contributions

Ivan V. Suslov developed the theoretical framework and selected the research methodology, wrote the text, and drew general conclusions.

Zarina Z. Knyzhova compiled the literature review and formulated the research problem.

Ivan Suslov and Zarina Knyzhova participated in selecting and analyzing cinematographic sources, preparing the final manuscript, and revising the text based on reviewers' comments.

Both authors contributed to discussing the final version of the manuscript.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ СУСЛОВ

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии,
Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, Саратов, ул. Вольская, 1

ResearcherID: ADK-2328-2022

ORCID: 0000-0003-0991-6368

e-mail: suslov85@inbox.ru

ЗАРИНА ЗАКИЕВНА КНЫЖОВА

кандидат политических наук,
доцент кафедры философии,
Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, Саратов, ул. Вольская, 1

ResearcherID: B-4402-2017

ORCID: 0000-0001-5941-5380

e-mail: knyzhova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

IVAN V. SUSLOV

Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor of the Philosophy Department,
Cand. Sci. (Political Science),
Assistant Professor at the Department of Philosophy,
Saratov State Academy of Law,
1, Volskaya, Saratov 410056, Russia

ResearcherID: ADK-2328-2022

ORCID: 0000-0003-0991-6368

e-mail: suslov85@inbox.ru

ZARINA Z. KNYZHOVA

Cand. Sci. (Political Science),
Assistant Professor at the Department of Philosophy,
Saratov State Academy of Law,
1, Volskaya, Saratov 410056, Russia

ResearcherID: B-4402-2017

ORCID: 0000-0001-5941-5380

e-mail: knyzhova@mail.ru